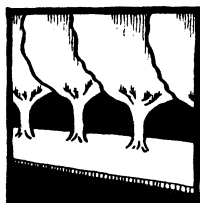

Оглавление

<i>Глава первая.</i> Кошка и окно под грабами	5
<i>Глава вторая.</i> Среди ведьм	38
<i>Глава третья.</i> Мир детей	69
<i>Глава четвертая.</i> Трепанация	88
<i>Глава пятая.</i> Письма с Аляски	124
<i>Глава шестая.</i> Светящийся отряд	141
<i>Глава седьмая.</i> «Роллс-Ройс»	174
<i>Глава восьмая.</i> Башня Ангелов	200
<i>Глава девятая.</i> Кража	228
<i>Глава десятая.</i> Шаман	247
<i>Глава одиннадцатая.</i> Бельведер	265
<i>Глава двенадцатая.</i> Разговор на экране	282
<i>Глава тринадцатая.</i> Эзахеттр	302
<i>Глава четырнадцатая.</i> Ущелье Аламо	328
<i>Глава пятнадцатая.</i> Кровавой мох	360

Глава первая

КОШКА И ОКНО ПОД ГРАБАМИ

Уилл потянул мать за руку и сказал:
— Ну пойдем же, пойдем...

Но его мать медлила. Она все еще была напугана. Уилл окинул взглядом узкую улочку и сплошные ряды домиков вдоль нее: перед каждым домиком был крохотный палисадник за оградой из барбарисовых кустов, а лучи заходящего солнца сверкали на оконных стеклах с одной стороны улицы, оставляя другую в тени. Надо было торопиться. Скоро люди поужинают, их дети отправятся на прогулку и будут глазеть на них, обмениваясь замечаниями. Мешкать было опасно, но, как всегда, он мог только уговаривать ее.

— Мам, давай заглянем к миссис Купер, — сказал он. —
Смотри, вот ее дом.

— К миссис Купер? — с сомнением откликнулась она.

Но он уже звонил в дверь. Для этого ему пришлось поставить сумку, потому что он не хотел отпускать руку матери. Он понимал, что двенадцатилетний мальчишка, вце-

пившийся в мамину руку, выглядит странно, однако у него не было выбора.

Дверь отворилась, и на пороге возникла сгорбленная фигура хозяйки — от нее по-прежнему пахло лавандой, как в те времена, когда Уилл приходил к ней брать уроки игры на фортепиано.

— Кто это? Уильям? — произнесла старушка. — Я не видела тебя больше года. Что тебе нужно, милый?

— Пожалуйста, разрешите мне и моей маме войти в дом, — твердо сказал он.

Миссис Купер взглянула на женщину со сбившейся прической и неуверенной улыбкой на устах, а потом на мальчика — в глазах его блестели решимость и отчаяние, губы были плотно сжаты, а подбородок выдвинут вперед. И тут она увидела, что миссис Парри, мать Уилла, подвела тушью только один глаз, забыв о втором. На это не обратила внимания ни она сама, ни ее сын. Что-то было неладно.

— Ну что ж... — сказала она и отступила в сторону, освобождая проход в узком коридоре.

Прежде чем закрыть дверь, Уилл посмотрел в оба конца улицы, и миссис Купер заметила, как крепко миссис Парри держится за руку своего сына и как бережно он направляет ее в гостиную, где стояло пианино (понятно, что других комнат он и не знал); а еще она заметила, что от платья миссис Парри слегка отдает плесенью, словно оно чересчур долго пролежало мокрым в стиральной машине, и подивилась тому, как похожи они оба, когда мать и сын сели на диван и вечернее солнце осветило их выступающие скулы, широко расставленные глаза, прямые черные брови.

— В чем дело, Уильям? — спросила старушка. — Что случилось?

— Моей маме нужно пожить у кого-то несколько дней, — ответил он. — Сейчас я не могу ухаживать за ней дома. Но

это не значит, что она больна. Она просто немножко расстроена и взволнована, и у нее мысли путаются. За ней совсем нетрудно присматривать. Ей просто нужен кто-то, кто будет с ней ласков, а лучше вас я никого не смог придумать.

Женщина смотрела на своего сына так, будто не понимала, о чем идет речь, и миссис Купер заметила у нее на щеке синяк. Уилл не сводил глаз с миссис Купер, и на его лице было написано страдание.

— И тратиться вам на нее не надо, — продолжал он. — Я взял с собой кое-какую еду — по-моему, этого вполне хватит. Вы и сами можете пользоваться, мама не станет возражать.

— Но... я не знаю, стоит ли мне... Разве ей не нужен врач?

— Нет! Она не больна.

— Но должен же быть кто-нибудь, кто мог бы... Я имею в виду, у вас же наверняка есть соседи или кто-то из родственников...

— У нас нет родственников. Мы одни. А соседи очень заняты.

— А как насчет социального обслуживания? Я не отказываю тебе, милый, только...

— Нет! Нет. Ей просто нужно чуть-чуть помочь. Сам я сейчас не смогу за ней смотреть, но долго это не протянется. Я должен... Мне надо кое-что сделать. Но я скоро вернусь и заберу ее обратно домой, обещаю. Вы не успеете от нее устать.

Мать смотрела на сына с таким доверием, а он обернулся и ответил ей такой теплой, ободряющей улыбкой, что миссис Купер не нашла в себе сил ему отказать.

— Ну что же, — сказала она, поворачиваясь к миссис Парри. — Я думаю, денек-другой ничего не значит. Вы можете занять спальню моей дочери, милая: она в Австралии, и эта комната ей больше ни к чему.

— Спасибо, — сказал Уилл и поднялся на ноги, точно спешил поскорее уйти.

— Куда же ты сейчас собираешься? — спросила миссис Купер.

— Я поживу у приятеля, — ответил он. — Буду звонить так часто, как только смогу. Ваш телефон у меня есть. Все будет хорошо.

Мать мальчика смотрела на него озадаченно. Он нагнулся и неуклюже поцеловал ее.

— Не беспокойся, — сказал он. — Миссис Купер сможет ухаживать за тобой лучше меня, честно. А завтра я позвоню, и мы поговорим.

Они крепко обнялись; потом Уилл снова поцеловал мать, бережно разнял ее руки, обнимавшие его за шею, и направился к выходу. По его влажным глазам миссис Купер видела, как он расстроен; но у порога мальчик обернулся, вспомнив о правилах хорошего тона, и протянул ей руку.

— До свидания, — сказал он, — и огромное вам спасибо.

— Уильям, — промолвила она, — я хотела бы, чтобы ты объяснил мне, в чем...

— Этого в двух словах не расскажешь, — ответил он, — но она не доставит вам хлопот, честно.

Миссис Купер рассчитывала услышать другое, и они оба понимали это; но почему-то право решать сейчас принадлежало Уиллу, и старушка смолчала. Она подумала, что никогда еще не видела на детском лице такой неумолимости.

Он повернулся к двери, уже переключившись мыслями на свой пустой дом.

Тупичок, где жили Уилл с матерью, находился в современном районе. Дорога здесь образовывала петлю, вдоль которой стояло с дюжину одинаковых домов, причем дом Парри выглядел гораздо беднее прочих. Палисадник перед

ним был просто клочком земли, заросшим сорной травой; несколько месяцев назад мать Уилла посадила здесь какие-то кустики, но они зачахли и умерли, потому что их никто не поливал. Как только Уилл показался из-за угла, его кошка Мокси оставила свое любимое местечко под еще живой гортензией, потянулась и подошла к хозяину, чтобы с тихим приветственным мяуканьем потереться головой о его ногу. Он поднял ее и шепнул:

— Они возвращались, Мокси? Ты их видела?

В доме стояла тишина. Сосед из дома напротив мыл машину в последних лучах заходящего солнца, но он не обратил внимания на Уилла, а Уилл не посмотрел на него. Чем меньше люди тебя замечают, тем лучше.

Прижимая Мокси к груди, он отпер дверь и быстро вошел внутрь. Затем, прежде чем опустить кошку на пол, очень внимательно прислушался. Но ничего не услышал; дом был пуст.

Он открыл для Мокси банку консервов и выложил их в миску на кухне. Сколько у него еще времени до возвращения того человека? Сказать этого никто не мог, поэтому нужно было действовать быстро. Он поднялся наверх и взялся за поиски.

Он искал потертый несесер из зеленой кожи, в котором хранились письма. В любом самом обычном современном доме на удивление много укромных местечек, где можно спрятать вещь такого размера; для этого вовсе не нужны тайники за стенными панелями и огромные подвалы. Сначала Уилл осмотрел спальню матери, хотя ему было неловко рыться в ящиках с ее нижним бельем, а потом методично обшарил все остальные комнаты на втором этаже, включая и свою собственную. Мокси пришла поглядеть, что он делает, и стала умываться поблизости, за компанию.

Но он не нашел бумажника.

К этому времени уже стемнело, и он проголодался. Поджарив себе тост с печеной фасолью, он сел за кухонный стол и стал соображать, в каком порядке лучше всего обыскивать первый этаж.

Когда он уже почти справился с ужином, зазвонил телефон.

Он сидел абсолютно неподвижно, с колотящимся сердцем. Он сосчитал: двадцать шесть звонков, и потом тишина. Поставив тарелку в раковину, он снова принялся за дело.

Прошло еще четыре часа, а несессер из зеленой кожи так и не удалось обнаружить. Была половина второго ночи, и Уилл страшно устал. Он лег на кровать прямо в одежде и мгновенно заснул. Его сны были путанными и беспокойными, и где-то рядом, рукой подать, все время маячило несчастное, испуганное лицо матери.

И казалось, почти сразу же (хотя на самом деле он проспал добрых три часа) Уилл проснулся, осознав две вещи одновременно.

Во-первых, он понял, где спрятан несессер. И во-вторых, понял, что те люди сейчас внизу — открывают кухонную дверь.

Он снял с кровати Мокси, которая мешала ему встать, и тихо успокоил ее, когда она сонно попыталась возразить против такого обращения. Затем опустил ноги на пол и надел ботинки, напряженно ловя каждый звук, доносящийся снизу. Это были очень слабые звуки: кто-то поднял и перевернул стул, раздался еле слышный шепот, скрипнула половица.

Двигаясь еще осторожнее, чем незваные гости, он вышел из своей спальни и на цыпочках прокрался в пустую комнату у самой лестницы. Тьма здесь не была совсем уж крошечной, и в призрачных, серых предрассветных лучах он разобрал, где стоит старая швейная машинка с педалью. Он тщательно осмотрел эту комнату всего несколько часов назад, но забыл тогда заглянуть в боковой ящичек швейной машинки, где обычно хранились лекала и катушки.

Теперь он аккуратно нащупал этот ящичек, все время внимательно прислушиваясь. Люди передвигались вниз, и иногда в щели под дверью поблескивал свет — наверное, у них был фонарь.

Он нашел защелку, тихо повернул ее, открыв ящичек, — и там, как и следовало ожидать, лежал тот самый кожаный несесер.

Но что ему делать дальше?

Пока ничего. Он съежился в полутьме, стараясь унять громкий стук сердца и по-прежнему слушая, что творится за дверью.

В прихожей было двое. Он слышал, как один из них тихо сказал:

— Пора. Слышишь, по улице уже едет молочник?

— Он еще далеко, — возразил другой. — Надо осмотреть второй этаж.

— Ну ладно, давай. Только поскорее.

Уилл подобрался, услышав тихий скрип верхней ступеньки. До этого человек шел практически беззвучно, но он не мог знать, что ступенька скрипит. Потом наступила пауза. По полу снаружи скользнул тонкий луч фонарика. Уилл увидел его свет в щели под дверью.

Затем дверь начала приоткрываться. Уилл ждал; только когда на пороге вырос мужской силуэт, он внезапно выскочил из темноты и ударил незнакомца головой в живот.

Ни один из них не заметил кошки.

Когда человек достиг верхней ступени лестницы, Мокси тихо вышла из спальни и, подняв хвост, остановилась прямо за ним, готовая потереться о его ноги. Человек справился бы с Уиллом, потому что был крепок и тренирован, но ему помешала кошка, и, попытавшись отступить, он споткнулся об нее. Вскрикнув от неожиданности, он упал спиной назад с лестницы и с ужасной силой ударился головой о столик в прихожей.

Уилл услышал этот жуткий треск, но не стал разбираться, что случилось; он опрометью кинулся вниз, перепрыгнул через тело упавшего человека — распластанное у подножия лестницы, оно слабо подергивалось, — схватил со столика потертую хозяйственную сумку и выскочил из парадной двери прежде, чем второй незнакомец, появившийся на пороге гостиной и ошеломленно смотревший на него, успел что-либо сделать.

Даже страх и спешка не помешали Уиллу удивиться тому, что второй мужчина не закричал и не бросился ему вслед. Но с их машинами и сотовыми телефонами они наверняка скоро до него доберутся. Оставалось одно — бежать со всех ног.

Он увидел, как в их тупичок поворачивает электрокар молочника — на фоне заметно посветлевшего неба его фары казались бледными. Уилл перепрыгнул через изгородь в соседский садик и понесся дальше вдоль дома, через стену в следующий сад, по мокрой от росы лужайке, сквозь живую изгородь и густые заросли кустарника и деревьев между жилым районом и главной дорогой, забился там под какой-то куст и лег на землю, дрожа и задыхаясь. Выходить на дорогу пока не стоило: лучше было дожидаться утреннего часа пик.

В его ушах все еще звучал треск, раздавшийся при ударе головы незнакомца о столик; он словно до сих пор видел перед собой его тело с неестественно вывернутой шеей и жутко подергивающимися конечностями. Этот человек умер. И убил его он.

Уилл никак не мог избавиться от этой навязчивой мысли, но сделать это было необходимо. Слишком многое сейчас требовало его внимания. Надо было подумать, например, о матери: так ли уж безопасно ее нынешнее убежище? Можно ли рассчитывать, что миссис Купер ничего никому не скажет? Даже если он, Уилл, не вернется, как обещал? Потому что теперь, когда он убил незнакомца, ему нельзя возвращаться.

А Мокси? Кто ее покормит? Будет ли она волноваться, когда увидит, что они оба куда-то пропали? Пойдет ли их искать?

Вокруг становилось светлее с каждой минутой. Уже можно было проверить содержимое хозяйственной сумки: там лежали материн кошелек, последнее письмо от адвоката, карта дорог южной Англии, несколько шоколадок, зубная паста, запасные носки и трусы. И зеленый кожаный несесер для бумаг.

Все было на месте. В общем-то, все пока шло по плану. Если не считать того, что он убил человека.

Впервые Уилл понял, что его мать отличается от других и что он должен за ней присматривать, когда ему было семь лет. Тогда они отправились в супермаркет и затеяли там игру: взять что-нибудь с полки и положить в тележку можно было только тогда, когда никто на них не смотрел. Уилл озирался по сторонам и шептал: «Давай!», а его мать быстро хватала пакет или банку консервов и тихо опуска-

ла их в тележку. После этого можно было уже ничего не опасаться, потому что там продукты становились невидимыми.

Это была хорошая игра, и она продолжалась довольно долго, поскольку в то субботнее утро магазин был полон народу; но они с матерью умело и ловко действовали сообща. Они доверяли друг другу. Уилл очень любил свою мать и часто говорил ей об этом, и она отвечала ему тем же.

Когда они наконец подошли к кассе, Уилл был возбужден и счастлив, потому что они почти выиграла. А потом мать не смогла найти кошелек, но это тоже было частью игры, даже когда она сказала, что его, наверное, украли враги; но к тому времени Уилл уже устал и проголодался, да и мать больше не казалась такой счастливой. Она была по-настоящему испугана, и они всё ходили по магазину, возвращая продукты обратно на полки, но теперь им надо было быть тройне осторожными, поскольку враги могли выследить их по номеру кредитной карточки: они знали его, потому что стащили у матери кошелек...

И сам Уилл начинал бояться все сильнее и сильнее. Он понял, как умно поступила мать, превратив подлинную опасность в игру, чтобы не напугать его; а еще он понял, что теперь, узнав правду, он тоже должен изображать спокойствие, чтобы подбодрить ее.

Поэтому маленький мальчик притворился, что по-прежнему увлечен игрой — ведь мать наверняка огорчилась бы, увидев его испуг, — и они отправились домой, так ничего и не купив, зато спаслись от врагов, а потом Уилл нашел пропавший кошелек на столике в прихожей. В понедельник они пошли в банк и закрыли ее счет, после чего открыли в другом месте новый, просто на всякий случай. Таким образом, в тот раз опасность их миновала.

Но вскоре, в ближайшие несколько месяцев, Уилл постепенно и против своего желания осознал, что враги, которых боится мать, находятся не во внешнем мире, а в ее собственном мозгу. От этого они не делались менее реальными, менее страшными и опасными; наоборот, это значило, что он должен охранять ее еще более внимательно. Тогда, в супермаркете, Уилл притворился довольным, чтобы не расстраивать мать, и с тех пор какая-то часть его сознания всегда оставалась настороже, прислушиваясь к ее тревогам. Он любил свою мать так горячо, что готов был умереть, защищая ее.

Что касается отца Уилла, то он исчез давным-давно, и мальчик его совсем не помнил. Ему страшно хотелось узнать о своем отце побольше, и он часто приставал к матери с вопросами, на которые она, как правило, не могла ответить:

- Он был богатый?
- Куда он уехал?
- Почему он уехал?
- Он умер?
- Он вернется?
- Какой он был?

Только в последнем случае мать сумела до известной степени удовлетворить его любопытство. Джон Парри был красивым, умным и отважным офицером Королевского флота; выйдя в отставку, он стал профессиональным исследователем и не раз возглавлял экспедиции в самые отдаленные уголки мира. Этот рассказ привел Уилла в восторг. Разве не чудесно быть сыном настоящего путешественника? С тех пор отец незримо сопровождал мальчика во всех его играх: они вместе прорубали себе дорогу в джунглях, пристально вглядывались в даль бушующего моря с палубы своей верной шхуны, поднимали факел,

чтобы разобрать таинственные иероглифы на стене грота, кишущего летучими мышами... Они стали самыми близкими товарищами, они спасали друг другу жизнь бесчисленное множество раз, они смеялись и разговаривали, засиживаясь у походного костра далеко за полночь.

Но чем старше становился Уилл, тем больше у него возникало сомнений. Почему у них в доме не было снимков, где отец был бы запечатлен сидящим на нартах в обществе людей с заиндевелыми бородами или изучающим покрытые лианами руины в тропическом лесу? Неужели не сохранилось ни одного трофея или сувенира из тех, которые он должен был привозить с собой? И отчего в книгах знаменитых путешественников нет ни единого упоминания о нем?

Мать этого не знала. Но как-то раз она сказала одну вещь, запомнившуюся ему накрепко. Она сказала:

— Наступит время, когда ты двинешься по стопам своего отца. Ты тоже станешь великим человеком. И унаследуешь его мантию...

И хотя Уилл не понял толком, что это значит, он ухватил суть материнских слов и почувствовал гордость и уверенность в своих силах. Значит, всем его мечтам суждено сбыться. Его отец жив — он просто заблудился в каких-то дебрях, но Уилл придет к нему на помощь и в благодарность получит от него мантию... Если у тебя есть такая прекрасная цель, ради нее можно перетерпеть многое.

И он никому не говорил, что с его матерью что-то неладно. Временами она вела себя спокойнее, чем обычно, и ее сознание прояснялось; тогда он учился у нее тому, как делать покупки, готовить еду и убирать в доме, чтобы потом, когда на мать снова нападут страх и смятение, можно было вести хозяйство без ее помощи. Он научился скрывать не только свои чувства, но и себя самого: быть неза-